

*Памяти Крапа и Дымка, Бурохвостки
и Радуги, Лоскутника и Синдбада —
прекрасных голубей и голубок*

*Второй день месяца Пахоты,
шестой год от воцарения его славнейшего
и могущественнейшего величества сатрапа Касго
От Эрека, смотрителя голубятни в Удачном, —
Детози, смотрительнице голубятни в Трехоге*

Нынче ночью отправил к тебе четырех птиц, они несут наше соглашение с драконицей Тинталъей, дабы Совет Дождевых чащоб утвердил его. Соглашение разделено надвое, и каждая часть, в соответствии с пожеланием торговца Дивушета, главы Совета торговцев Удачного, переписана дважды и послана отдельно. Это соглашение подводит черту уговору между торговцами и драконицей. Мы оказываем ей содействие, помогая переправить змей вверх по Дождевой реке, а она взамен защищает города торговцев и наши водные пути от набегов калсидийцев.

Пожалуйста, как только сможешь, отправь мне с птицей подтверждение, что послание это дошло до тебя благополучно.

Детози, далее припишу в спешке от себя, сколько хватит места на этом клочке бумаги. У нас царит хаос. Мой птичник подожгли, многие птицы задохнулись. Один из моих гонцов — Кингсли. Ты знаешь, что его родители умерли и я сам вырастил его. Пожалуйста, приюти его и не отсылай обратно, пока все не наладится. Если же Удачный падет, береги Кингсли, как своего питомца. Молись за нас. Не уверен, что Удачный устоит против захватчиков, пусть даже ему и поможет драконица.

Эрек

Пролог

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЗМЕЕВ

Долгий путь остался позади. Теперь она была у цели, Ди годы странствий уже начали тускнеть в памяти. Все заслонила новая насущная забота.

Морская змея Сисарква открыла пасть и изогнула шею, мысли ее путались. Вот уже много лет не покидала она морскую стихию. Чувствовать под собой сушу ей не приходилось с тех самых пор, как Сисарква вылупилась на острове Иных. Теперь тот остров, с его горячим сухим песком и ласковыми водами, остался далеко. А здесь, в лесах у обжигающе холодной реки, наступала зима. Мерзлая земля колола тело. От ледяного воздуха жабры очень быстро высыхали. С этим ничего нельзя было поделать, оставалось только работать побыстрее. Она подхватила пастью из глубокой канавы серебристой глины вперемешку с речной водой, запрокинула голову и проглотила эту холодную, скрипучую от песка массу. Как ни странно, оказалось вкусно. Змея сделала еще глоток. И еще.

Сисарква потеряла счет глоткам зернистой смеси, когда наконец ощутила пробуждение древнего инстинкта. Напрягая мышцы глотки, она чувствовала, как набухают ее ядовитые железы. Грива — мясистая бахрома на шее — встопорчилась, превратившись в дрожащий смертоносный воротник. Содрогнувшись всем телом, змея широко раскрыла пасть, поднатужилась — и все получилось. Сведя челюсти, она тонкой струей выплюнула рвущуюся нару-

жу смесь глины, желчи, слюны и яда. Струя была подобна серебряистой нити, тугой и тяжелой. Сисарква с трудом повернула голову, скрутилась поплотнее, прижав хвост к телу, и принялась оплетать себя глинистой смесью, словно влажным кружевом.

Послышалась тяжелая поступь. Тинталья. Драконица остановилась и заговорила с ней:

— Хорошо. Да, правильно. Прекрасное плетение, без прорех. Для начала очень хорошо.

Сисарква не могла даже взглянуть на серебряно-синюю королеву, удостоившую ее похвалы. Змея полностью отдалась делу, создавая оболочку, которая укроет ее на оставшиеся месяцы зимы. Сисарква трудилась с отчаянием, из последних сил. Она хотела спать, мечтала уснуть, но знала, что если заснет сейчас, то не проснется никогда ни в каком облике.

«Закончить кокон, — думала она. — Закончить. Потом смогу отдохнуть».

Рядом на речном берегу тем же самым, более или менее успешно, занимались ее сородичи. Среди них копошились люди. Одни ведрами носили с реки воду. Другие копали серебряистую глину у ближнего берега и грузили ее в тачки. Подростки катили эти тачки к наспех сооруженной бревенчатой ограде. В яму лили воду, туда же сбрасывали глину, лопатами разбивали комья и размешивали до жидкой каши. Эта смесь была строительным материалом для оболочек. Змеи глотали ее, в утробе она насыщалась их ядом. В глиняном коконе под действием яда дыхание змеи замедлится, и она погрузится в глубокий, похожий на смерть сон. Вместе со слюной Сисарква вплетала в кокон воспоминания — не только свои собственные, но и память предков, жившую в ней.

И лишь драконы-стражи, опекуны змей, не внесли туда положенную лепту. Память шептала ей: в такой час рядом должно было бы кружить не меньше дюжины драконов —

заботиться о змеях, пока те плетут убежища, ободряют их, жевать серебристый песок памяти и глину, добавляя в дело свою слюну и свою историю. Но стражей не было, а Сисарква слишком устала, чтобы гадать, как это скажется на ее судьбе.

К тому времени, когда кокон наконец был готов, Сисарква совершенно обессилела. Оставалось втянуть голову в горловину и закрыть отверстие. И тут до нее дошло, что змеям прежних поколений запечатать оболочку помогали драконы. А сейчас помочь некому.

На этот раз в устье Змеиной реки их собралось всего сто двадцать девять. Сто двадцать девять змей, готовых начать рискованный переход вверх по течению к месту сотворения коконов. Моолкин, их предводитель, очень тревожился, что среди них оказалось мало самок — меньше трети. В былые годы сюда приплывали сотни змей, причем самцов и самок было поровну. А Сисаркве и ее сверстникам выпало сначала затянувшееся ожидание в море, потом долгий путь, который они проделали в надежде вернуть себе подлинный облик. И теперь было невыносимо думать о том, что их слишком мало и что драгоценное время уже упущено.

Трудности речного пути оказались под силу не всем. Сисарква точно не знала, сколько ее сородичей добралось до места. Их осталось примерно девяносто, а самок всего десятка два. И змеи продолжали умирать. Вот только что она услышала, как Тинталья сказала человеку:

— Он мертв. Возьмите молоты, разбейте его оболочку и бросьте в яму с глиной памяти. Пусть другие сохраняют воспоминания его предков.

Сисаркве не было видно, но по звукам она поняла, что Тинталья вытаскивает мертвеца из его незавершенного кокона. Змея чужала его плоть и кровь, пока драконица пожирала тело. Как трудно сопротивляться голоду и страшной усталости! Сисаркве хотелось разделить трапезу Тин-

тальи, но она знала, что есть уже слишком поздно. Ее утроба полна глины, и надо продолжать.

А Тинталье нужно поест. Удивительно, как она еще держится. Единственный дракон, оставшийся в живых, чтобы оберегать змей. Всю дорогу Тинталье не сводила с них глаз, без усталости летая над рекой, изменившейся до неузнаваемости за прошедшие десятилетия. В основном она лишь подбадривала змей. А что еще ей оставалось? Она одна, а их множество...

Легко, как паутинка, коснулось разума древнее воспоминание.

«Неправильно, — подумала Сисарква. — Все неправильно, все не так, как должно быть».

Вот река — но где дубравы и пышные луга, некогда окаймлявшие ее? Сейчас вдоль реки тянется заболоченный лес с редкими островками твердой почвы. Если бы люди не потрудились и не укрепили тут берег камнем, его растоптали бы в грязь. Древняя память змеев шептала ей о богатых глиной отмелях вблизи города Старших. Драконам полагалось носить глину, смешивать ее с водой в яме и запечатывать оболочки змей. И все это должно было происходить под ярким летним солнцем.

Сисарква содрогнулась от изнеможения, и воспоминание исчезло. Попытки вернуть его оказались безуспешны. Осталось лишь понимание, что она — одинокая змея, пытающаяся сделать себе кокон, который защитил бы ее от зимних холодов, пока тело преобразуется. Просто змея, замерзшая и обессилевшая после долгого плавания.

Потом вспомнились последние несколько месяцев. Конечный отрезок пути был непрерывной битвой с речным течением и каменистыми порогами. В Клубок Моолкина Сисарква попала недавно, и ее многое удивляло. Обычно в Клубок входило от двадцати до сорока змеев. А Моолкин собрал всех, кого смог найти, и повел на север. Им двигала глубокая убежденность в необходимости это-

го, пусть такому многочисленному Клубку и было куда труднее прокормиться в пути. Сисарква никогда не видела, чтобы столько змей странствовало вместе. Сказать по правде, некоторые из них опустились до того, что уже мало отличались от животных, другие от смятения и страха оказались на грани безумия. Рассудок очень многих был затуманен забвением. Но когда они все следовали за змеем-пророком со сверкающими золотом ложными глазами, Сисарква почти вспомнила древний путь. И другие змеи, плывшие рядом, тоже постепенно обретали дух и разум. Их тяжелое путешествие было правильным, правильнее всего, что случилось за долгие годы.

И все же ее посещали сомнения. Унаследованная память подсказывала, что та река, которую они искали, была глубока и полноводна и рыба в ней водилась в изобилии. В грезах Сисаркве являлись холмы и прибрежные луга, окаймленные чистым лесом, где голодные драконы могли найти пропитание. А эта река была узкой, и ее русло петляло среди лесов, заросших кустарником и ползучими лианами. Вряд ли она вела к их древним местам окукливания. Но Моолкин яростно настаивал, что дорога верная.

Сомнения чуть не заставили Сисаркву повернуть обратно. Хотелось сбежать из этой ледяной реки и вернуться в теплые океанские воды, на юг... Но стоило замедлить ход или повернуть в сторону, другие змеи возвращали ее в Клубок, и приходилось плыть с ними дальше.

Однако если в истинности видений Моолкина она могла усомниться, то авторитет Тинтальи был для нее неоспорим. А синяя с серебром драконица признавала Моолкина вождем и помогала тому странному кораблю, что указывал путь его Клубку. Тинталья плыла над ними, подбадривала, направляла Клубок сначала на север, потом вверх по реке. До Трехога, города двуногих, плавание было хоть и утомительным, но без особых трудностей: змеи

просто следовали за кораблем. А вот когда этот город остался позади, река изменилась: обмелела, разлилась вширь и разделилась на извилистые притоки.

Корабль-проводник остался в городе, он не мог плыть по мелководью. То и дело на пути встречались широкие отмели из гальки и песка, длинные лианы и корни растений душили протоки. Река текла то меж острых камней, то — на следующем повороте — через тростниковые заросли. Сисарква снова захотела повернуть назад, но вслед за другими змеями поддалась уговорам драконицы. Они поднимались все выше. Вместе с сотней сородичей Сисарква переползала через запруды из бревен — их построили люди, чтобы помочь змеям одолеть последние, самые трудные отмели.

Выжить удалось далеко не всем. Небольшие раны, которые быстро затянулись бы в соленой морской воде, река превращала в гниющие язвы. Из-за долгих скитаний даже лучшие из змеиноного племени пали духом и повредились рассудком. Многое, очень многое шло не так. Это путешествие следовало предпринять десятки лет назад, пока змеи были сильны и молоды, и подниматься по реке надо было летом, когда тела лоснятся от жира. А они плыли в дожди и зимние холода — отощавшие, изможденные. К тому же были намного старше своих предшественников.

За ними присматривала одна-единственная драконица, которая сама вышла из кокона меньше года назад. Гингалья летела, сверкая серебром в бледных лучах солнца, прорывавшихся сквозь тучи. «Уже недалеко! — кричала она змеям. — За этими порогами снова глубина, там поплывете. Давайте шевелитесь!»

А их покидали последние силы. Один крупный оранжевый змей так и умер, не сумев перекинуть свое тело через бревна запруды и повиснув на них. Сисарква была рядом с ним и видела, как его крупная клинообразная го-

лова вдруг упала в воду. Она с нетерпением ждала, когда же он двинется дальше. Но тут завитки его гривы вдруг содрогнулись и выпустили посмертное облачко яда — слабенькое, быстро рассеявшееся. Последняя защитная реакция тела. Облачко сообщило змеям, что их сородич мертв. Запах и вкус его яда, попавшего в воду, звали на пиршество.

Сисарква немедленно вырвала из мертвого тела кусок, проглотила и оторвала еще, пока другие змеи не успели понять, что случилось. Неожиданная возможность подкрепиться ошеломила ее не меньше, чем хлынувший поток воспоминаний мертвого змея. Драконы никогда не бросали тела умерших: живые питались мертвыми, забирая себе их знания. Каждый дракон хранил память всех своих предков, и точно так же каждый змей берег то, что помнили его предшественники. Так должно было быть. Однако Сисарква и барахтавшиеся рядом с ней сородичи слишком задержались в змеином облике. Воспоминания выцветали, а с ними угасал и разум. Эти змеи стремились стать драконами. Но какие драконы из существ, которые уже превратились в грубое подобие тех, кем должны были быть?

Сисарква вскинула голову, мотнув гривой, и отхватила еще один кусок от тела оранжевого змея. Нахлынули воспоминания о рыбе и о ночных песнях Клубка под звездным небом. Очень древние воспоминания. Уже несколько десятилетий ни один Клубок не поднимался из Доброловища на Пустоплѣс и не возвышал голосов во славу звездного неба.

Ее окружили сородичи, они шипели и топорили гривы, отпугивая друг друга и соперничая из-за каждой доли пиршества. Сисарква рванула последний кусок мяса и переползла через бревно, которое не смог одолеть оранжевый. Заглотив еще теплый кусок целиком, она вдруг подумала о небе, и в ней встрепенулось смутное драко-

ные воспоминание оранжевого змея. Небо, раскинувшееся широко, как море... Скоро она вновь поплывет в нем. Осталось совсем немного — так обещала Тинталья.

Но если дракон преодолел бы это расстояние одним взмахом крыла, то измученным змеям предстояло долгое сражение с быстрой рекой. До заката они так и не увидели глинистого берега. Короткий день кончился, едва начавшись. Ночь пала внезапно, как удар. Еще одна ночь, когда от холода некуда было деться. Воды в обмелевшей реке едва хватало, чтобы смачивать жабры. Кожа на спине чуть не трескалась от обжигающего ледяного воздуха. Когда утром солнце осветило берега реки, Сисарква увидела: тех, кто уже не завершит этот путь, стало еще больше. И вновь ей удалось урвать свою долю еды, прежде чем толпа сородичей оттеснила ее от мертвых тел. Тинталья снова кружила над ними, уверяя, что до Кассарика уже недалеко, что скоро их ждет долгий мирный отдых преобразования.

День тоже был холодным, а спина за ночь пересохла. Сисарква чувствовала, как лопается кожа под чешуей, и когда река снова стала глубже и удалось нырнуть, мутная вода обожгла трещины. Сисаркве казалось, что ее тело разъедает кислота. Будь место оукливания чуть дальше, она могла бы и не добраться до него.

После полудня возникло ощущение, что они опаздывают, но время при этом тянется мучительно долго. В глубоких протоках змеи могли плыть, и хотя вода жгла потрескавшуюся шкуру, это было лучше, чем ползти на животе, словно гадюка, по заиленным камням речного дна.

Сисарква не заметила, когда они прибыли на место. Солнце уже клонилось к западу и постепенно скрылось за стеной деревьев, подступавших к реке. На илистом берегу реки какие-то создания — не Старшие — зажгли факелы, расставленные большим кругом. Змея присмотрелась к этим существам. Люди. Обычные двуногие, немно-

гим больше, чем еда, которой змеи привыкли питаться. Люди мельтешили кругом и явно подчинялись Тинталья, служили ей, как некогда Старшие. Это было унижительно. Неужели драконы пали так низко, что связались с людьми?

Сисарква задрала голову, принюхиваясь к ночному воздуху. Неправильно. Все неправильно. Вряд ли их место окукливания находится именно здесь. Но на берегу она увидела змей, опередивших ее. Некоторые уже замкнулись в коконы из серебрящейся глины и собственной слюны. Другие, изнемогая от усталости, пытались завершить работу.

Завершить работу. Да. Она вернулась в настоящее. Некогда предаваться воспоминаниям. В последний раз зачерпнув глиняной смеси, она слепила горловину кокона. Но не рассчитала. Запечатать оболочку было уже нечем. Если попытаться дотянуться до глины, кокон может сломаться, и это будет ужасно, потому что сил сделать новый уже нет. Работа почти завершена, осталась самая малость, но, если ею пренебречь, смерти не избежать.

Сисаркву накрыло волной паники и ярости. Сначала она хотела вырваться из кокона, но потом успокоилась, поддавшись воспоминаниям. Вот в чем ценность родовой памяти — иногда мудрость прошлого одолевает страх в настоящем. Разум прояснился. Змея вспомнила сородичей — и тех, кто пережил такую ошибку, и тех, кто из-за нее погиб. Тела мертвых пожрали выжившие. Память о фатальных ошибках осталась, служа живым.

Она ясно представила пути, что ей оставались. Остаться в оболочке и позвать драконицу на помощь. Бесплезно. Тинталья слишком занята. Выбраться из оболочки и попросить, чтобы драконица принесла ей еды, — тогда появятся силы заново выстроить кокон. Невозможно. Опять подступил страх. Теперь она отбросила его усилием воли.

Сисарква не собиралась умирать. Она проделала долгий путь, полный опасностей. Неужели чтобы теперь

сдаться смерти? Нет. Она выживет, она восстанет весной драконом и вернет себе небо. Она снова будет летать. Как-нибудь.

Как?

Она жила, чтобы возродиться королевой драконов. Значит, надо потребовать то, что принадлежит королеве. Право спасения.

Собравшись с силами, Сисарква выкрикнула:

— Тинталья!

Жабры пересохли, горло было ободрано грубой глиной. Отчаянная просьба о помощи прозвучала почти шепотом. И теперь не осталось сил даже на то, чтобы выбраться из оболочки. Это верная смерть!

— Что случилось, красавица? Я чую твое смятение. Чем тебе помочь?

Сисарква не могла повернуть голову, она лишь скосила глаза и увидела, кто к ней обращается. Старший. Он был слишком мал и юн, но интуиция ей подсказала: ошибки нет. Это не какой-то там человек, хотя и похож обликом.

Жабры были совсем сухими. Змеи могут подниматься из воды, могут даже при этом петь, но сейчас холодный сухой воздух убивал ее. Она с трудом вдохнула и ощутила запах. Без сомнения, Тинталья оставила отпечаток на этом Старшем. Он был весь во власти ее чар. Сисарква медленно закрыла и снова открыла глаза, но так и не смогла разглядеть его яснее. Она сохла слишком быстро.

— Я не могу... — только и сумела сказать она.

И почувствовала, как встревожился о ней Старший.

— Тинталья! — крикнул он. — Беда! Эта змея не может закрыть кокон. Что нам делать?

Голос драконицы долетел с другого края площадки:

— Возьми глины, да пожиже! Быстрее! Покрой ей голову и заделай отверстие. Запечатай ее, но только постарайся, чтобы первый слой был повлажнее.

Тинталья торопливо приблизилась к Сисаркве:

— Мужайся, сестричка! Не многие выходят из коконов королевами. Ты должна быть среди них.

Тут подбежали рабочие — одни тащили глину на носилках, другие — в ведрах. Сисарква вытянула шею и прикрыла глаза. Возле ее кокона юный Старший выкрикивал приказы:

— Быстрее! Не ждите Тинталью! У этой змеи пересыхают кожа и глаза. Лейте воду. Так! Еще! Еще ведро. Грузите носилки. Живо!

Обрушилась жидкая смесь, запечатывая кокон. Теперь начал действовать яд. Сисарква погружалась в состояние, которое пусть и не было сном, но дарило отдых. Благословенный, долгожданный отдых.

Она чувствовала, что Тинталья где-то рядом. На кокон легла теплая тяжелая заплатка, и Сисарква с благодарностью поняла, что драконица запечатала ее кокон. Насыщенные памятью испарения заполнили кокон и впились ей в шкуру. Здесь были и воспоминания Тинтальи, и часть опыта только что пожранного змея. Сисарква слышала, как Тинталья дает указания рабочим.

— Вот тут ее оболочка слишком тонкая. И вон там. Принесите глины и положите ее сюда в несколько слоев. Завалите кокон ветками и листвой. Укройте от света и холода. Они слишком поздно окуклились. До вершины следующего лета на них не должен упасть солнечный свет, ибо я опасаясь, что к весне они еще не будут готовы. Когда закончите здесь, ступайте на восточный край, там еще один страждущий.

Сознание Сисарквы уже угасало, когда до ее слуха донесся звонкий голос Старшего:

— Мы вовремя ее запечатали? Она выживет? Вылупится?

— Не знаю, — мрачно ответила Тинталья. — Год на исходе, змеи стары и измождены, половина из них голода-

ла. Кое-кто из первой волны уже умер в коконах. Прочие еще сражаются с рекой и порогами. Многие из них погибнут, так и не добравшись до берега. И это к лучшему — их тела послужат пищей оставшимся, дадут им шанс на выживание. А вот от умирающих в коконах мало пользы, только напрасные хлопоты и разочарование.

Тьма укутала Сисаркву. Возникло непонятное ощущение: то ли она промерзла до костей, то ли ей уютно и тепло. Все глубже проваливаясь в подобие сна, она чувствовала тяжелое молчание юного Старшего. Наконец тот заговорил, и до нее долетели не столько его слова, сколько мысли:

— Люди Дождевых чащоб будут рады заполучить останки. Они называют их диводревом и очень ценят...

— Нет!

Крик драконицы чуть не пробудил Сисаркву. Но истощенное тело не могло сопротивляться дремоте, и она снова стала погружаться в темноту. И в мир, что находится за границей снов, ее сопроводили слова Тинтальи:

— Нет, братец! Все драконье принадлежит только драконам. Весной те, кто выйдет из коконов, пожрут коконы и тела невышедших. Таков наш обычай, так мы сохраняем свои знания. Умершие укрепят силы живых.

Сисарква не знала, что суждено ей. Тьма объяла ее.

*Семнадцатый день месяца Надежды,
седьмой год от воцарения его славнейшего
и могущественнейшего величества сатрапа Касго,
первый год Вольного союза торговцев*

*От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, —
Эреку, смотрителю голубятни в Удачном*

Посылаю официальное прошение Совета торговцев Дождевых чащоб о справедливом и достойном возмещении дополнительных и неожиданных расходов, которые мы понесли, ухаживая за коконами змеев для драконицы Тинталы. Совет требует немедленного ответа.

Эрек, мы очень пострадали от весеннего половодья. Драконьи коконы были сильно повреждены, а некоторые и вовсе смыло. Река перевернула небольшую баржу, и, боюсь, это была та самая, на которой я посылала тебе молодняк для пополнения стаи Удачного. Все они погибли. Я подожду, пока мои птицы не отложат побольше яиц, и пришлю тебе птенцов, как только они оперятся. Трехог уже не тот, что прежде, в нем столько татуированных лиц! Мой господин сказал, что мне не следует ставить даты от дня нашей Независимости, но я пренебрегла его указанием. Слухи подтвердятся, я уверена!

Детози

Глава 1

РЕЧНИК

Весне уже полагалось вступить в свои права, однако все еще было чертовски холодно. Слишком холодно, чтобы спать на палубе, а не в каюте. Вчера вечером, когда он поддался чарам рома и мерцающих над лесом звезд, эта идея казалась ничего себе. И вроде было тепло, и насекомые стрекотали на деревьях, и ночные птицы перекликались, и летучие мыши метались над рекой. Ему нравилось лежать на палубе баркаса, смотреть по сторонам, на реку, на Дождевые чащобы и думать о своем месте в этом мире. Смоляной мерно покачивал его, и все было хорошо.

А вот наутро, когда одежда вымокла от росы и тело совершенно заоченело, мысль заночевать под открытым небом уже казалась приличествующей скорее двенадцатилетнему мальчишке, чем капитану тридцати лет от роду. Он медленно сел. В холодном утреннем воздухе от дыхания пошел пар. Дохнув перегаром вчерашнего рома, он проследил за облачком. Потом, ворча под нос, поднялся на ноги и огляделся. Ага, светает. В кронах прибрежных деревьев просыпались, перекликаясь, дневные птицы. Но до воды солнечные лучи едва доходили, с трудом пробиваясь через молодую листву и теряя по пути тепло. Когда солнце поднимется повыше, оно осветит открытую воду и заберется под деревья. Однако это случится не скоро.

Лефтрин потянулся, расправляя плечи. Рубашка неприятно холодила кожу. Ну, он это заслужил. Если бы на

палубе заснул кто-то из его команды, капитан так бы ему и сказал. Однако все одиннадцать человек спали на узких койках, тянувшихся в несколько ярусов вдоль кормовой стены палубной надстройки. И только его койка в эту ночь осталась пуста. Неразумно.

В такую рань обычно никто не вставал. Огонь в печке на камбузе еще не разводили, так что не было ни кипятка для чая, ни горячих лепешек. А он уже проснулся, и ему захотелось прогуляться под деревьями. Странное желание так и свербело в нем. Вероятнее всего, его истоки — в забытых снах прошедшей ночи. Лефтрин попытался было выудить их из памяти, но оборванные концы в его мысленной хватке обратились нитями паутины и ускользнули. И все же нужно последовать наваянному снами желанию. Он никогда не оставался в проигрыше, повинуюсь подобным побуждениям, а если, напротив, не обращал на них внимания, потом неизбежно об этом сожалел.

Лефтрин прошел через рубку мимо спящей команды и пробрался в свою каюту. Сменил палубные башмаки на береговые сапоги высотой по колено, из промасленной бычьей кожи. Они почти сносились — едкие воды реки Дождевых чащоб не щадили ни обуви, ни одежды, ни дерева, ни кожи. Но еще пару походов по берегу сапоги выдержат, да и его собственная шкура тоже. Он снял с крючка непромоканец, накинул на плечи и пошел обратно через кубрик. Остановившись у койки рулевого, пнул ее. Сварг дернулся, приоткрыл затуманенные глаза.

— Я пошел на берег размяться. Вернусь к завтраку.

— Понял, — буркнул Сварг.

Этим коротким словом — единственным, кстати говоря, возможным ответом на уведомление капитана — красноречие Сварга обычно и исчерпывалось.

Лефтрин хмыкнул и вышел из рубки.

Накануне вечером они вытащили баркас на топкий берег и привязали к большому склоненному дереву. Лефтрин прыгнул с тупого носа баркаса в грязь и камыши. Нарис-

сованные на носу судна глаза смотрели в сумрак под деревьями. Десять дней назад из-за ливней и ветра река вышла из берегов. За последние двое суток вода спала, но прибрежная растительность еще не оправилась от наводнения. Камыши покрывал ил, трава полегла под тяжестью грязи. Низкий берег был весь в лужах. Лефтрин шел вдоль него, и вода тут же заполняла оставленные им глубокие отпечатки.

Он не знал точно, куда и зачем идет. Просто следовал своему капризу, удаляясь от берега в чащу. Там следы наводнения были еще явственней. Среди стволов виднелись принесенные водой коряги. С ветвей свисали пряди водорослей и разорванные лианы. Слой ила лежал на траве и мхе. Гигантские деревья, составлявшие основу Дождевых чащоб, не пострадали от наводнений, чего нельзя было сказать о подлеске. Кое-где течение проложило себе дорогу, и листва молодых деревьев так отяжелела под грузом ила и грязи, что ветви согнулись до земли.

Лефтрин старался идти по этим тропам в подлеске. Самые топкие места обходил, проламываясь сквозь кусты. Он взмок и перемазался. Ветка, которую он попытался отвести в сторону, сорвалась и ударила по лицу, обрызгав грязью. Лефтрин сразу стер жгучую дрянь с кожи. Как у большинства речников, его лицо и руки были закалены водой реки Дождевых чащоб. От этого лицо загрубело, и задубевшая кожа странно контрастировала с серыми глазами. Лефтрин в глубине души был уверен, что именно поэтому у него на лице так мало всяких наростов и еще меньше чешуи, столь досаждавших его собратям из Дождевых чащоб. Впрочем, это все равно не делало его ни красавцем, ни даже просто привлекательным мужчиной — эта мысль заставила капитана печально усмехнуться. Он отогнал ее, отвел ветку от лица и пошел дальше.

Внезапно Лефтрин остановился. Смутное, неуловимое ощущение. Нечто витавшее в воздухе или на краю видимости и не поддающееся осмыслению подсказало, что он

уже близко. Капитан стоял неподвижно, постепенно осматривая все вокруг. Взгляд зацепился за что-то, и черные волосы у него на шее встали дыбом, когда он разглядел находку. Вот оно! Всё в зелени пополам с грязью, занесенное илом, только местами проглядывает что-то серое. «Бревно» диводрева.

Не огромное, нет, даже не такое уж большое вопреки слухам. Всего в две трети его роста, а он человек невысокий. Но этого хватит. Вполне достаточно, чтобы разбогатеть.

Лефтрин оглянулся. Подлесок, из-за которого не было видно реку и баркас, укрывал и его от чужих глаз. Вряд ли кому-то из корабельной команды хватит любопытства, чтобы устроить слежку. Когда он ушел, все спали и наверняка спят до сих пор. Сокровище принадлежит только ему.

Капитан продрался через растительность и наконец дотронулся до «бревна». Мертвое. Он понял это еще до прикосновения. В детстве ему приходилось спускаться в чертог Коронованного Петуха. Он видел кокон Тинтальи до того, как та вылупилась, и помнил ощущения от него. А в этом коконе дракон умер и уже не проклюнется. Не важно, погиб ли он, когда кокон еще был на полях оукливания, или его убило наводнение. Главное, что дракон мертв, диводрево можно забрать, а, кроме Лефтрина, никто не знает, где оно находится. И как удачно, что он из тех немногих, кому известно, как распорядиться находкой наилучшим образом.

Семья Хупрус сделала на диводреве свое немалое состояние. Братья его матери обрабатывали этот материал еще до того, как люди поняли, что он собой представляет. Юный Лефтрин бродил по низкому строению, где дядья пилили диводрево, которое было крепче железа. Едва Лефтрину исполнилось девять лет, отец решил, что он достаточно взрослый, чтобы ходить с ним на баркасе.

И Лефтрин занялся честным ремеслом, постигая его с азов. Когда ему было двадцать два, отец умер, и Лефтрин унаследовал баркас. Почти всю жизнь он был речником. Но от родни со стороны матери ему достались инструменты для обработки диводрева и знания о том, как их использовать.

Лефтрин обошел кокон. Это было тяжело. Потоком воды его забило между двумя деревьями. Один конец глубоко погрузился в грязь, другой выступал наружу и был весь в мусоре. Лефтрин поначалу хотел очистить и рассмотреть находку как следует, но потом решил оставить все как есть. Он добежал до баркаса, украдкой вытащил бухту троса¹ из рундука и быстро вернулся к своей находке, чтобы обезопасить ее от случайностей. Работа была грязной, но он остался доволен тем, как справился с ней: даже если река снова поднимется, его сокровище останется на месте.

Возвращаясь на баркас, он почувствовал, что в сапоге хлюпает. Ногу засаднило. Лефтрин ускорил шаг, мысленно ругаясь. На следующей стоянке придется купить сапоги. Парротон — новое и одно из самых маленьких поселений на реке Дождевых чащоб. Там все дорого и найти калсидийские сапоги из бычьей кожи непросто. Остается уповать на милость купца. Мгновение спустя капитан кисло усмехнулся. Вот он отыскал клад, который принесет ему больше, чем десяток лет работы на барже, и тут же мелочится, подсчитывая, сколько сможет выложить за новую пару сапог. А ведь как только он распилит свою находку и распродаст частями, о деньгах можно будет больше не беспокоиться.

Лефтрин задумался. Следовало решить, кому доверить свой секрет. Ему нужен был помощник — чтобы держать вторую ручку пилы и донести тяжелые части кокона до

¹ *Бухта троса* — трос, сложенный кругами или восьмерками.

баркаса. Привлечь кузенов? Пожалуй. Кровь — не водица, даже если это густая мутная вода реки Дождевых чащоб.

Но сохранят ли они тайну? Должны. Им придется соблюдать осторожность. Свежеобработанное диводрево не спутаешь ни с чем, у него особенный запах и серебристый блеск. Поначалу торговцы Дождевых чащоб ценили этот материал только за устойчивость к едкой речной воде. Баркас Лефтрина, «Смоляной», был одним из первых кораблей, обшивку которого сделали из диводрева. В те времена корабельщики Дождевых чащоб и не подозревали, что у материала проявятся магические свойства. Находя «бревна» в обнаруженном ими древнем подземном городе, они просто использовали их как хорошо выдержанную древесину.

Подлинная сила диводрева открылась только тогда, когда из него стали строить большие корабли, которые могли плавать не только по реке, но и по соленым прибрежным водам. Их носовые изваяния поразили всех: спустя века после постройки кораблей они начали оживать. Это было чудо — деревянные скульптуры говорили и двигались. Сейчас живых кораблей не так уж и много, и их ревностно охраняют. Ни один из них никогда не продавали за пределы Союза торговцев. Только торговец из Удачного мог купить живой корабль, и только на живом корабле можно было без опаски плавать по реке Дождевых чащоб. Корпуса обычных судов быстро сдавались ее разъедающим что угодно водам. И никто лучше живых кораблей не мог защитить тайные города Дождевых чащоб и их обитателей.

Затем последовали другие открытия. Огромные бревна в чертоге Коронованного Петуха оказались на самом деле отнюдь не бревнами, а драконьими коконами. Люди Старшей расы, или, как их еще звали, Элдерлинги, спрятали их там, чтобы защитить от извержения вулкана. Об истинном значении этого открытия говорить не любили.

Оглавление

Пролог. Последний день змеев	8
Глава 1. Речник	21
Глава 2. Драконы выходят из коконов	31
Глава 3. Выгодное предложение	57
Глава 4. Клятвы	91
Глава 5. Ложь и вымогательство	119
Глава 6. Решение Тимары	161
Глава 7. Обещания и угрозы	203
Глава 8. Встречи и беседы	229
Глава 9. Путешествие	277
Глава 10. Кассарик	305
Глава 11. Первое знакомство	347
Глава 12. Среди драконов	385
Глава 13. Подозрения	413
Глава 14. Трофеи	437
Глава 15. Течения	460
Глава 16. Друзья	493
Глава 17. Рисковое дело	537